

Бондарева Виктория Викторовна

КИТАЙ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1950-Е ГГ.): ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Статья посвящена анализу направленности социально-экономического и политического развития Китайской Народной Республики в первое послереволюционное десятилетие (1950-е гг.). Проблема смены экономических моделей рассматривается в работе на фоне усиления культа личности Мао Цзэдуна. Автор анализирует политическую стратегию маоизма, оценивает уровень демократизации КНР в условиях становления репрессивного механизма и реализации масштабных экономических программ "большого скачка".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/9/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (99). С. 36-41. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(510).093

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу направленности социально-экономического и политического развития Китайской Народной Республики в первое послереволюционное десятилетие (1950-е гг.). Проблема смены экономических моделей рассматривается в работе на фоне усиления культа личности Мао Цзэдуна. Автор анализирует политическую стратегию маоизма, оценивает уровень демократизации КНР в условиях становления репрессивного механизма и реализации масштабных экономических программ «большого скачка».

Ключевые слова и фразы: Китайская Народная Республика (КНР); Конституция КНР; Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП); VIII съезд Коммунистической партии Китая (КПК); политика «трех красных знамен»; «большой скачок»; «народные коммуны».

Бондарева Виктория Викторовна, к.и.н.

*Кубанский государственный технологический университет
tsigrini@mail.ru*

**КИТАЙ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1950-Е ГГ.):
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ[©]**

*В Китае все полны надежд.
Вся страна на пути к обновлению.*

Чжан Цзиньдо, профессор Фуданьского университета

В середине XX столетия после победы народной революции Китай вступил в новый период своей истории – социалистический: 1 октября 1949 г. образовалась Китайская Народная Республика (КНР) во главе с председателем правительства Мао Цзэдуном [8, с. 59, 70], что явилось событием чрезвычайной исторической важности для всего многомиллионного населения Китая. Организация нового государства и состав его руководителей были закреплены на первой сессии китайской Народной политической консультативной конференции, созванной незадолго до этого в Бэйпине (21-30 сентября 1949 г.)¹, который через несколько дней был переименован в Бэйцзин (Пекин)² и стал столицей нового государства [3, с. 76]. Тем временем, политические силы Гоминьдана во главе с Чан Кайши, противостоявшие коммунистам в Гражданской войне, переместились в Нанкин³, однако, как отмечал в своих мемуарах личный врач Мао Цзэдуна Ли Чжисуй, уже никто не сомневался в победе Красной армии Китая [8, с. 49]. Люди искренне верили, что с победой коммунистов «исчезнут все иностранные концессии», и страна почти с четырехтысячелетней историей и высочайшей культурой, вызывающей восторг во всем мире, «освободится от колониального гнета, заняв достойное место в мире» [Там же, с. 56]. «В Китае все полны надежд. Вся страна на пути к обновлению» [Там же, с. 59], – многозначительно утверждал Чжан Цзиньдо⁴, профессор Фуданьского университета, делегированный в Народный политический консультативный совет – высший временный орган государственной власти до демократического избрания Всекитайского собрания народных представителей⁵.

Вопросом первостепенной важности для создателей КНР являлся поиск путей и механизмов социалистического строительства [5, с. 10], острота решения которого осложнялась чрезвычайной социально-экономической отсталостью Китая, во многом обусловленной вековым господством западных империалистов. Согласно исследователям А. Е. Бовину и Л. П. Делюсину, в наследие от прошлого новорожденное государство получило технически отсталую промышленность с небольшим удельным весом в экономике и полуфеодалное сельское хозяйство, являвшее собой «океан распыленных единоличных дворов, осуществлявших производство устаревшими способами» [1, с. 142-143]. Консервативная приверженность патриархально-родовому укладу в городе и деревне препятствовала общественно-политической консолидации и развитию социальных институтов, росту политической и производственной активности народных масс. Высочайший процент малограмотности затруднял подготовку квалифицированных специалистов, в результате чего «страна ощущала острую нехватку научно-технических кадров, врачей, учителей, инженеров, техников» [1, с. 142-143; 8, с. 56].

[©] Бондарева В. В., 2015

¹ Бэйпин (кит.) – Северное спокойствие.

² Пекин (кит. – Бэйцзин) – Северная столица.

³ Нанкин (кит. – Наньцзин) – Южная столица.

⁴ В 1957 г. Чжан Цзиньдо падет невинной жертвой жестких маоистских репрессий. Его обвинят в правом уклоне и сошлют на перевоспитание в специальный трудовой лагерь. Его оправдают лишь через двадцать лет в 1979 г., и он вернется на свободу, по свидетельству Ли Чжисуя, изможденным, беспомощным и ослепшим стариком.

⁵ Депутаты Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) были избраны в июле 1954 г. В сентябре в Пекине открылась первая сессия ВСНП, которая единогласно приняла Конституцию КНР, завершив, тем самым, формирование новой китайской государственности. Конституция определяла КНР демократическим государством, основанным на союзе рабочих и крестьян и руководимым рабочим классом; объявляла священной и неприкосновенной общественную собственность; декларировала политические и социально-экономические права граждан; предусматривала право создания национальных автономных областей, округов, уездов.

Однако Китай сумел мобилизоваться, вступив на путь социалистической модернизации. Сформулированная коммунистической партией в 1952 г. так называемая «генеральная линия» социально-экономического развития КНР предусматривала *постепенное осуществление* («в течение довольно длительного периода времени») социалистической индустриализации страны, проведение комплекса «социалистических преобразований» в сфере сельского хозяйства, кустарного производства, капиталистической промышленности и торговли [9, с. 14]. В 1954 г. эта линия нашла отображение в тексте принятой в 1954 г. Конституции КНР (статья 4), где говорилось, что «Китайская Народная Республика, опираясь на государственные органы и общественные силы, путем социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества» [Цит. по: 6, с. 635].

По мнению исследователя Ф. М. Бурлацкого, «первые послереволюционные годы можно назвать наиболее интересным и даже поучительным для других развивающихся стран периодом развития Китая», поскольку «за короткий срок были достигнуты внушительные успехи» [3, с. 80-81]: так, уже к 1952 г. удвоилась общая стоимость промышленного производства; на 50% возросла продукция сельского хозяйства, в среде которого начало разворачиваться движение кооперирования; были восстановлены старые и созданы новые ирригационные сооружения, обслуживавшие практически четверть посевных площадей страны [Там же].

Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР (1953-1957 гг.), принятый после завершения восстановительного периода (1949-1953 гг.), как отмечает Ф. М. Бурлацкий, был успешно выполнен, а по многим показателям даже перевыполнен [Там же]. К концу пятилетки, в 1957 г., Китай по объему производства стали вышел на 9-е место в мире, чугуна – на 7-е, угля – на 5-е, электроэнергии – на 13-е место [Там же]. Промышленное производство в целом в 1957 г. на 141% превысило производственные показатели 1952 г. [6, с. 637]. В частности, достаточно быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность, и в особенности машиностроение, что позволяло Китаю удовлетворять потребности в машинном оборудовании на 60% собственными силами [Там же]. Таким образом, индустриализация в Китае набирала обороты, укрепляя его техническую мощь.

В условиях успешного выполнения показателей первого пятилетнего плана в 1956 г. был созван VIII съезд Коммунистической партии Китая, обязавший коммунистическое правительство строго учитывать объективные возможности развития китайской экономики и предостерегавший от необоснованно завышенных темпов [9, с. 14]. Во избежание искривления траектории экономического развития в сторону ее форсирования под влиянием субъективных факторов VIII съезд призвал также к дальнейшему расширению демократии в стране и партии, неуклонному соблюдению принципов коллективного руководства и борьбе против культа личности.

Еще одним важнейшим результатом нового социалистического строительства стало преобразование частнокапиталистической и кустарно-ремесленной промышленности. Согласно сведениям китайской печати, структура производственного сектора в 1956 г. выглядела следующим образом: 54,6% в валовой продукции составлял государственный сектор, 17,1% – кооперативный, 27,1% – смешанный (государственно-капиталистический), 1,2% – мелкотоварный кустарный, 0,004% – частнокапиталистический [11, с. 145-146]. Следует также заметить, что в первые годы социалистического строительства в КНР удалось добиться также и роста численности предприятий (в частности, при помощи СССР было построено 250 крупных объектов с новым оборудованием) [3, с. 80-81].

В сфере политики на фоне укрепления позиций интернационалистов в руководстве КПК основополагающей являлась «идея демократической диктатуры народа», нашедшая свое воплощение в «специфических формах государственной власти» [Там же]. В 1954 г. в КНР действовало около 215 тыс. представительных органов власти: Всекитайское собрание народных представителей; собрания народных представителей провинций, городов, уездов, волостей¹, в которые, согласно исследованию В. Г. Гельбраса, было избрано 5,6 млн депутатов [5, с. 15].

Таким образом, в первые годы существования КНР были достигнуты значительные успехи в социально-экономическом и политическом развитии. Но каковы же были методы, обеспечившие успех? Если опираться на отечественные исследования и, в частности, работы уже упоминавшегося нами Ф. М. Бурлацкого, то весьма специфические, «настораживающие» [3, с. 80-81] (важно заметить, что эта информация подтверждается и источниками китайской стороны [8, с. 87-89]). Речь идет о формах политического давления, которые применялись еще в Яньани² в эпоху Гражданской войны в начале 1940-х гг., а именно – об идеологических кампаниях типа «чжэнфэн» («упорядочение стиля») и сопровождающих их массовых репрессиях, направленных на разгром потенциальных соперников, получивших распространение уже в период аграрной реформы (1950-1953 гг.) и особенно в годы первой пятилетки (1953-1957 гг.) [3, с. 80-81; 12, с. 156].

Начало масштабным репрессиям было положено 20 мая 1951 г., когда было принято «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность», предусматривавшее смертную казнь или длительное тюремное заключение за разного рода политические и идеологические преступления. В соответствии с этим законом в крупных городах Китая проводились открытые показательные судебные процессы, на которых «опасные контрреволюционеры» приговаривались к смерти. Длинные списки казненных «контрреволюционеров» постоянно появлялись в китайских газетах: так, согласно официальным сведениям, в октябре 1951 г. было рассмотрено 800 тыс. дел «контрреволюционеров» [3, с. 82]. По оценкам западной печати, приводимым в работе Ф. М. Бурлацкого, число казненных в 1951 г. колебалось от 1-3 млн до 10-15 млн человек [Там же].

¹ Местные представительные народные собрания (городские, уездные, волостные) постепенно заменили военно-контрольные органы управления на всех уровнях власти.

² Яньань – городской округ в провинции Шэньси (КНР); в 1937-1948 гг. – главный центр Коммунистической партии Китая; в истории китайского социализма определяется как «Родина Революции».

Анализируя природу политической мотивации КПК в развертывании массовых идейно-политических кампаний в начале 1950-х гг., Ф. М. Бурлацкий, с одной стороны, указывал на «объективную необходимость сломить сопротивление со стороны буржуазии, феодальных и полуфеодальных элементов, выступавших против народно-демократического строя»; с другой стороны, подчеркивал стремление руководства КПК во главе с Мао Цзэдуном подавить всех инакомыслящих, как в среде партийных кадров, так и в среде прогрессивно настроенной интеллигенции [Там же, с. 83]. Следует заметить, что китайская интеллигенция, готовая использовать свои таланты во имя успешного развития нового Китая, в первое время (до начала репрессий) искренне поддержала коммунистов, считая их нахождение у власти справедливым и связывая с ними надежды национального освобождения и демократизации страны [6, с. 632; 8, с. 59-62]. Однако партийное руководство не собиралось создавать в стране условия для демократии и объединяться с другими политическими силами (одной же национальной идеи оказалось недостаточно, чтобы привлечь интеллигенцию на сторону КПК). По словам Ли Чжисуя, изначально созданный Народный политический консультативный совет был лишь «пародией на демократию» и походил на «вазу с цветами, радующую глаз, но при этом совершенно бесполезную», поскольку все бразды правления оказались в руках коммунистов [8, с. 59].

Осенью 1951 г. по инициативе Мао Цзэдуна стартовала масштабная кампания по идеологическому перевоспитанию интеллигенции, формально начавшаяся с обсуждения кинокартины «Жизнь У Сюня» [6, с. 632], снятой режиссером Сунь Юем и вышедшей на экраны в 1950 г. Фильм рассказывал историю о деятельности известного китайского гуманиста XIX в., который изначально был нищим и просил милостыню на улицах, а затем смог разбогатеть, открыв ростовщическую контору, и создал несколько бесплатных школ для неимущих бедняков-страдалцев, так похожих на него в прошлом. Главный акцент в фильме по задумке режиссера был сделан не на бессердечии общества, обрекшего главного героя на муки в начале жизненного пути, а на гуманистических порывах его глубоко благородной природы, живущей для других. Однако критики, чьи доводы были опубликованы на страницах «Жэньминь жибао»¹ 20 мая 1951 г., в унисон негативному восприятию фильма Мао Цзэдуном, усмотрели в нем проповеди феодальной культуры и отрицание классово-борьбы, в результате чего в распространении буржуазных взглядов были обвинены многие представители интеллигенции [Там же].

Важно обратить внимание, что «движение за идеологическое перевоспитание» развивалось, главным образом, в среде «вузовской» интеллигенции, где создавались специальные комитеты, контролировавшие изучение истории КПК в ее маоистской интерпретации [3, с. 83-84]. Методы движения были основаны, в первую очередь, на психологическом давлении в отношении «перевоспитываемой» интеллигенции (особенно часто практиковалось принуждение к «высказываниям на чистоту» с публичным самобичеванием, с обвинениями в различных проступках своих родственников, друзей, товарищей²) [Там же]. В дальнейшем эта практика публичного покаяния еще более укрепилась, превратившись в период «культурной революции» практически в обыденное явление жизни китайского общества [Там же].

Резкий пересмотр всей прежней экономической, социальной, культурной и внешней политики Китая, определяемой установками VIII съезда КПК, начался в 1957 г. и был связан, во-первых, с переходом от *планомерной модели развития хозяйства к форсированной* (практика «большого скачка» и «народных коммун»), во-вторых, с переходом от *коллективного принципа управления страной к авторитарному* (установление культа личности Мао Цзэдуна).

Что касается темпов социально-экономического развития, то в самой КПК не было единства по этому поводу: большая часть партийцев выступала за планомерное развитие социализма в Китае с использованием опыта и помощи других социалистических государств (именно их настроениями и определялись решения VIII съезда партии в 1956 г.); другие во главе с Мао Цзэдуном считали, что КНР должна пойти по пути ускоренного развития и превратиться в безусловного лидера всех стран социализма в считанные годы. Мао Цзэдун изначально не принимал концепции планомерного развития, о чем свидетельствуют его речи начала 1950-х гг., в которых он всегда опускал во многом ключевое слово «постепенно» [6, с. 627].

Касательно наметившейся тенденции обеспечения коллективного руководства КПК, следует заметить, что она не устраивала, опять-таки, прежде всего, Мао Цзэдуна, не желавшего быть первым среди равных и стремившегося к единоличному управлению и партией, и страной, для чего было необходимо отойти от установок VIII съезда КПК о борьбе с культом личности и обеспечении принципов коллективного руководства.

Отход от официальной политической линии, имевшей большое количество сторонников, был далеко не простым политическим шагом, осуществить который можно в условиях жестких масштабных репрессивных мер. Однако, по свидетельству Ф. М. Бурлацкого, Мао Цзэдун, будучи по натуре человеком «органически чуждым методам демократического руководства», «глубоко зараженным идеологией культа правителя в традиционном китайском духе», смело вступил на этот «нелегкий путь», сумев найти внутривнутрипартийную опору в лице влиятельной группы экстремистов и националистов [3, с. 95]. «Чтобы устоять на ногах и выдержать борьбу со значительной частью членов... партии и ее руководства, – писал исследователь, – Мао Цзэдуну понадобилось пустить в ход всю энергию своего ума, все свои способности мастера внутривнутрипартийной борьбы» [Там же]. Нужно отметить, что пропаганда «авантюристического курса» Мао Цзэдуна имела большой успех не только

¹ «Жэньминь жибао» – китайская ежедневная газета, официальное печатное издание ЦК КПК; обладает высочайшим рейтингом в китайской и мировой прессе.

² Этот метод «идеологического перевоспитания» был применен и в отношении всех членов творческой группы, участвовавших в съемках кинокартины «Жизнь У Сюня», которых принудили публично покаяться в мелкобуржуазности и предоставить обещания беззаветно служить трудящимся массам КНР.

в партии, но и в партийно-государственном аппарате – кадровые работники всех уровней (*ганьбу*) активно включились в борьбу за реализацию утопических идей своего вождя [6, с. 639, 641].

Отправной точкой в политической стратегии Мао Цзэдуна, все более отождествлявшего себя с народной революцией в Китае, стала идея абсолютного утверждения его собственного культа, который был идеологически связан с сущностью китайского социализма. Этот маневр в один миг обеспечивал понятное, прежде всего, для самого Мао Цзэдуна разделение китайского общества на своих и чужих – сторонников «великого кормчего», идейных радетелей социализма и его врагов, обрекающих Китай на сползание к капиталистическому пути.

В экономическом отношении усиление культа личности Мао Цзэдуна совпало с кампаниями «большого скачка» и «народных коммун» (1958-1960 гг.), призванными обеспечить форсированный характер задачам социалистического строительства, преодолеть вековую отсталость Китая и создать материально-техническую и военную базу для утверждения гегемонии маоизма внутри страны [9, с. 16]. Принятый VIII съездом КПК второй пятилетний план в 1958 г. был признан консервативным [14, с. 63]. Новый вариант второй пятилетки (1958-1962 гг.) предусматривал «поистине фантастические темпы экономического развития страны» [6, с. 658]: выпуск промышленной продукции предполагалось увеличить в 6,5 раз, сельскохозяйственной – в 2,5 раза (при том, что среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45%, а в сельскохозяйственном производстве – 20%) [11, с. 154-156]. Выплавка стали должна была возрасти с 5,4 млн тонн до 100 млн тонн [Там же].

«Борьба за сталь» стала одной из главных составляющих политики «большого скачка» и обернулась в буквальном смысле «стальной лихорадкой», охватившей не только города, но и деревни [6, с. 660-661]. К осени 1958 г. металл варили уже более 700 тыс. кустарных доменных печей, переплавлявших абсолютно все, вплоть до металлической посуды и других предметов домашнего обихода [Там же].

Важнейшей целью социально-экономической политики в годы второй пятилетки являлось также создание «народных коммун», которые, по словам Мао Цзэдуна, представляли собой наилучшую форму социальной организации, способную обеспечить переход от социализма к коммунизму и стать «исходной структурой будущего коммунистического общества», причем, как в сельской местности, так и в городах [Там же, с. 659]. «Народные коммуны», призванные приобщить Китай к новым формам трудовых отношений, были основаны на тотальном обобществлении всех сторон жизни входивших в них членов, при этом они являлись местными административными и военными структурами. Следует заметить, что процесс коммунизации в Китае протекал экстренно, форсированными темпами: так, решение о создании «народных коммун» было принято Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г., и уже через месяц было официально заявлено о вступлении в них 100% крестьянских дворов [Там же, с. 660]. Тогда же, летом 1958 г., началось осуществление «амбициозных ирригационных проектов», оптимизации которых и были призваны содействовать коммуны, мобилизовавшие на участие в «большом скачке» миллионы людей [Там же, с. 658]. Собственно на ирригационные сооружения только в январе 1958 г. было привлечено около 100 млн человек (впоследствии данная цифра постоянно увеличивалась). Даже сам Мао Цзэдун принимал участие в создании водохранилища в северных окрестностях Пекина, неподалеку от могильного комплекса династии Мин: ведь заниматься физическим трудом тогда были обязаны не только рабочие и крестьяне, но и представители высшей партийно-государственной номенклатуры [Там же]. Правда, проработав всего полчаса, Мао отложил лопату в сторону; тем не менее, пропагандистское значение этого шага было достаточно велико, поскольку изображение «великого кормчего», копающего землю, теперь постоянно появлялось на страницах китайской прессы [Там же]. Все это очень напоминало традиционные аграрные ритуалы в Древнекитайском Китае, когда, к примеру, для совершения торжественного обряда «первой вспашки» мобилизовывалось практически все население от крестьян до астрологов и музыкантов. Первую весеннюю борозду проводил китайский правитель («ван») – Сын Неба, открывавший в древности начало полевых работ для крестьян Поднебесной [4, с. 280-282]¹.

Результатом политики, реализовываемой под лозунгом «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья!», должна была стать демонстрация величия социалистического государства, абсолютно связываемого в плане его воплощения с личностью Мао Цзэдуна [3, с. 94]. Идею своего руководства как решающего фактора успешного развития отсталого Китая в кратчайшие сроки Мао Цзэдун удачно соединил с идеей труда многомиллионного китайского населения, отдавая последнему роль еще одного «решающего фактора» в социалистическом строительстве [7, с. 33]. По свидетельству Ли Чжисюя, свершивший революцию, «одержимый», в хорошем смысле слова, китайский народ действительно был готов на любые жертвы во имя родины и отдавал «всю свою энергию делу строительства нового Китая, презирая личную выгоду и интересы» [8, с. 70].

Однако надеждам Мао Цзэдуна на успехи «большого скачка», основанного на его мудром руководстве и энтузиазме трудовых масс, не суждено было осуществиться, поскольку задачи этой политики не соответствовали объективной действительности Китая, все еще испытывавшего острую нехватку квалифицированных кадров и пока недостаточно технически обеспеченного для выполнения подобного рода масштабных форсированных экономических программ.

Зима 1959-1960 гг. оказалась для Китая катастрофической: промышленное производство упало на 40%, а в некоторых отраслях и на 50% [10, с. 81]. В сельском хозяйстве, где ощущалась нехватка зерна даже для проведения весенних полевых работ, также наблюдались крайне низкие урожаи, на которые наложились

¹ Торжественные обряды «первой вспашки», «первого сева», совершаемые правителями и открывавшие начало полевых работ, помимо древнекитайской, были характерной чертой многих древневосточных культур и, в частности, древнеегипетской; в ритуально-магическом отношении были призваны подчеркнуть, прежде всего, сверхъестественную природу власти древних правителей.

еще и бедствия крупного наводнения из-за разлива реки Янцзы. Согласно архивным данным компартии Китая, жертвами «великого голода» в период «большого скачка» (1958-1960 гг.) и в первые годы после него (1961-1962 гг.) стали около 45 миллионов человек [13]. Ужасают не только цифры, но и искусственный характер голодных лет, подчеркиваемый современными средствами массовой информации КНР, которые ввели в речевой оборот понятие «голодомора» по отношению к бедствиям, имевшим место в годы «большого скачка» и унесшим миллионы жизней [Там же].

Очевидность критической ситуации, связанной со стремительным падением производства в народном хозяйстве, строго обозначилась еще летом 1959 г. Именно тогда в г. Лушане и был созван VIII пленум ЦК КПК, заседавший со 2 по 16 августа 1959 г., на котором значительная часть высшего партийного руководства, в том числе и министр обороны Пэн Дэхуай, перешла в открытую оппозицию по отношению к политике Мао Цзэдуна. В условиях роста критических настроений Мао Цзэдун заявил о своем согласии на снижение темпов роста производства, сославшись в то же время на необходимость сохранения политики «трех красных знамен»¹ (при этом с его стороны прозвучали следующие слова: «...Мы все виноваты, и если народ узнает правду, он разорвет нас на части») [Цит. по: 10, с. 80]. Кроме того, Мао Цзэдун настойчиво искал одобрения своим политическим действиям, заявив, что если члены ЦК не поддержат его, он станет искать поддержку у Красной Армии, если же и она не пойдет за ним, он создаст новую Армию, глубоко преданную его идеям [Там же].

В конечном итоге Мао Цзэдуну удалось изменить общий порядок пленума в свою пользу и закрепить доминацию своей политической линии на следующем IX пленуме ЦК КПК в январе 1961 г. В соответствии с намеченным на VIII пленуме планом дальнейшего экономического развития, китайскому руководству «под влиянием грозной реальности» пришлось фактически отказаться от политики «трех красных знамен» (хотя официально она не была отменена) и провозгласить «курс на урегулирование» народного хозяйства, призванный, прежде всего, остановить процесс сокращения производства [7, с. 34]. Посредством крайнего напряжения всех сил трудящихся удалось восстановить положение в экономике: согласно китайским сведениям, к концу 1964 г. сельское хозяйство КНР достигло показателей 1957 г., а промышленность даже несколько превысила их [Там же]. Положительные результаты курса «урегулирования» народного хозяйства привели к оживлению сил, выступавших за демократизацию жизни страны, вследствие чего в печати стали появляться критические замечания в адрес субъективизма и волюнтаризма как методов разрешения экономических и социальных вопросов. Авторитет Мао Цзэдуна, основанный на вере в его непогрешимость, в народе и партии заметно пошатнулся [9, с. 17-18]. В этих условиях вполне оптимальным выходом из сложившегося положения для Мао Цзэдуна стала новая серия политических кампаний, направленных на поиск врагов народа (вредителей-контрреволюционеров), сорвавших «большой скачок», получившая свое развитие в годы «культурной революции» (1966-1976 гг.) [2, с. 171-174].

Итак, в первые годы послереволюционного развития Китая в официальной политической доктрине доминировали постулаты постепенного планомерного социалистического строительства, сочетаемые с принципами коллективного руководства страной. Однако под влиянием субъективных факторов общая траектория экономического развития страны была изменена, и Китай вступил на путь реализации форсированной модели социально-экономической и политической модернизации, призванной обеспечить становление коммунистических основ китайского общества. Отсутствие единства взглядов по вопросам смены моделей социально-экономического и политического развития обусловило формирование репрессивных механизмов в государстве, обеспечивающих единообразный идеологический порядок, основанный на гегемонии маоизма и характеризующийся отсутствием инакомыслия в КНР. В условиях усиления культа личности Мао Цзэдуна был осуществлен переход к масштабным программам форсированного развития Китая – «большому скачку» и «народным коммунам», которые, в конечном итоге, обернулись провалом и массовым голодом, поскольку Китай не был в достаточной степени обеспечен кадровыми и техническими ресурсами для успешной их реализации. Крах масштабных экономических программ, обернувшийся народными бедствиями, бросал тень на веру в непогрешимость «великого кормчего» и его политический авторитет, который в партийно-номенклатурных кругах заметно пошатнулся.

Список литературы

1. Бовин А. Е., Делюсин Л. П. Политический кризис в Китае. События и причины. М., 1968. 183 с.
2. Бондарева В. В. Культура и «культурная революция» в КНР (1966-1976 гг.): соотношение понятий // Грани 2004: материалы IV Научной сессии ФИСМО (факультет истории, социологии и международных отношений). Краснодар, 2004. С. 171-174.
3. Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979. 400 с.
4. Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1988. 416 с.
5. Гельбрас В. Г. Китай: кризис продолжается. М., 1973. 224 с.
6. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. М., 2002. 736 с.
7. Лазарев В. И. Классовая борьба в КНР. М., 1981. 318 с.
8. Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача: в 2-х кн. Минск, 1996. Кн. 1. 384 с.
9. Основные аспекты китайской проблемы. 1965-1975 гг. / под ред. В. Г. Зубакова. М., 1976. 279 с.
10. Печаный Д. Г. Очерки новейшей истории стран Востока после Второй мировой войны (1945 – 1990-е гг.). Краснодар, 1998. 257 с.

¹ Политика «трех красных знамен» была нацелена на построение коммунистического общества в Китае, важнейшими ее составными частями являлись «новая генеральная линия», нацеленная на форсированное развитие, а также программы «большого скачка» и «народных коммун».

11. **Проблемы и противоречия индустриального развития КНР** / под ред. М. И. Сладковского. М., 1974. 240 с.
12. **Сладковский М. И.** Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978. 221 с.
13. **Фан Сяо.** Китайские СМИ раскрывают запрещенные страницы истории Китая [Электронный ресурс]. URL: www.epochtimes.ru/content/view/62997/4/ (дата обращения: 14.08.2015).
14. **Яковлев М.** 17 лет в Китае. М., 1981. 320 с.

CHINA IN THE FIRST POST-REVOLUTIONARY DECADE (THE 1950S): THE BASIC PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Bondareva Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in History
Kuban State Technological University
tsigrini@mail.ru

The article aims to analyze the orientation of the socio-economic and political development of the People's Republic of China in the first post-revolutionary decade (the 1950s). The problem of changing economic models is considered against the background of enhancing Mao Zedong's personality cult. The author analyzes the political strategy of Maoism, evaluates the level of the democratization of the People's Republic of China under the conditions of the repressive mechanism formation and the realization of the large-scale "Great Stride" economic programmes.

Key words and phrases: The People's Republic of China (PRC); Constitution of the PRC; National People's Congress (NPC); VIII National Congress of the Communist Party of China (CPC); "three red banners" policy; "Great Stride"; "people's communes".

УДК 130.2

Философские науки

В постмодернистской культуре реальность становится формой интерпретаций, одной из версий действительности. Воображение выступает способом, благодаря которому представляется возможным для индивида конституирование своей собственной реальности. В подобной ситуации актуальность приобретают различные индивидуальные практики эзотерической направленности, апеллирующие не к критическому мышлению и рефлексии, а к воображению.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; деконструкция; симулякр; эзотеризм; воображение.

Борисова Юлия Викторовна

Волгоградский государственный технический университет
juliette.b@bk.ru

ВООБРАЖЕНИЕ КАК СПОСОБ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

В постмодернистской культуре действительность не предстает мышлению как нечто заданное. Действительность всегда дискретна, прерывна, фрагментарна. Подобная дискретность является следствием постмодернистского проекта деконструкции культуры – отказа от любого вида «центризмов» в постмодернизме, в том числе от решающей роли разума.

Разум и рациональное мышление в постмодернизме перестают быть гарантом достоверности и истинности мира, поскольку рациональное познание в силу господствующего в постмодернизме принципа плюрализма становится лишь одной из существующих форм интерпретаций. Общеизвестный в постмодернизме тезис о «смерти Автора» означает, в том числе, и отказ от любых авторитетов в социальных и межличностных отношениях. Это также означает отказ от идеи когерентной истины, характерной для классического и неклассического периодов развития европейской культуры.

В постмодернистской модели культуры социокультурная реальность утрачивает системность и целостность, то есть она перестает задавать четкие и осмысленные параметры человеческому существованию. В результате деконструкции реальность, так же как и рациональный способ познания, становится формой интерпретации, одной из версий действительности. При этом у каждого индивида в постмодернизме признается своя интерпретация действительности, которая представляется ему достоверной, потому что именно он ее пережил, ощутил, перенес, «переболел» ею.

Постмодернизм не просто дублирует реальность, он создает качественно новую образную действительность – действительность как форму интерпретации человеческого мышления. Более того, постмодернизм эту образную действительность ставит на место той действительности, которую человек может осмыслить рациональными способами. Другими словами, в постмодернистской модели культуры воображаемая действительность подменяет собой реальную. Неслучайно в эпоху постмодернизма в социологии становится достаточно устойчивым термин, применяемый для описания современных социальных систем, – «воображаемое сообщество» [12, p. 54].